

**Михаил
Мазель**

Рассказка

**о Лисёнке
и королеве
Шуршариков**

Михаил Мазель
Рассказка о Лисёнке и
королеве шуршариков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9598793

ISBN 978-5-4474-0826-8

Аннотация

...Они жили в большом и светлом городе. Они были самыми что ни на есть обыкновенными – то есть созданными для любви и счастья. Они ждали и верили. А город пульсировал на перекрёстках проспектов и бульваров. Они жили в большом и светлом городе, и их жизни текли сквозь него, как всё те же бульвары, на которых и происходила всё та же жизнь. Город затаился и ждал, и сам не знал, чего он ждёт. Скорее всего, он ждал чуда. Хотя можно, конечно, и свершать чудеса... Наша маленькая история именно об этом.

Содержание

От автора	7
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23
Глава 5	24
Глава 6	25
Глава 7	26
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Рассказка о Лисёнке
и королеве шуршариков
Повесть-сказка
Михаил Мазель**

© Михаил Мазель, 2015

© Михаил Мазель, дизайн обложки, 2015

© Михаил Мазель, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

© Михаил Мазель, текст, 2004

© Михаил Мазель, оформление, 2004

© Михаил Мазель, иллюстрации, 2004

Для контактов с автором <http://www.mikhailmazel.ru>

От автора

*Мы идем по тропинкам из прошлого в нынешний день.
И приносим с собой сладкий запах покинутых комнат
В спины молча глядит недосказанность. Падают тень
тех, кто в прошлом забыт,
кто покинут, но любит и помнит.*

*Оставаться нельзя. Нам начертано с детства идти.
Мы – курвиметры снов, на потертом планиете дороги.
Мы не в силах сменить задаваемый музыкой стиль
но уже не выносим жестоких бессмысленных оргий.*

*Нас легко обмануть. Мы доверчивы будто птенцы.
И порою и мы не бываем для света прозрачны...
А тропинки текут. Не сведутся с концами концы
И клубок Ариадны, похоже, почти что истрачен.*

*Мы оставим его тем, кто скоро отыщет наш след.
Нам же время настало идти неизвестным маршрутом.
Чтобы выбрать его – мы потратили несколько лет
Чтобы мимо пройти – хватит тысячной доли минуты.*

*Значит выход один: быть внимательней, чище, мудрей
Значит способ один: шаг за шагом,*

как раньше, к рассвету.

Знаю, знаю... Я тоже не спал. И не стал я смелей.

Но нельзя замолкать, если новая песня не спета.

Оставлять позади тех, кто дорог – всегда не легко

Но дорога – закон. А законы не терпят дискуссий.

И куда бы опять нас по жизни с тобой не влекло,

надо верить, что нам повезло и с эпохой и с курсом.

Шишкиной Оле

Дорогие друзья!

Я написал эту рассказку после длительного перерыва. Почти семь лет я не писал прозы (если не считать текстов для моих вебпроектов). Причиной моего молчания была отчасти эмиграция – я потерял чувство реальности. О той жизни я уже не мог писать, об этой – ещё не мог. Я искал нишу. Я искал мир, о котором я бы мог вам поведать.

Конечно, можно было писать о том, о чём я знаю. Начиная с воспоминаний и заканчивая любым произведением, происходящим в то время и в том месте, где я был, когда я жил, и о чём я хорошо знаю. Но я всегда был немного сказочником. И я искал свой мир. Как мне кажется, я его нашёл.

Сейчас вы перевернёте страницу и окажетесь в осеннем городе. Кому-то из вас этот город покажется до боли знакомым, а кому-то – вымышленным от начала и до конца. Наверное, так оно и есть.

Я очень надеюсь, что каждый сможет узнать свой город,

а те, кто так и не узнают, поверят в то, что он есть, и отправятся на поиски.

Но сначала мне бы хотелось задать вам один маленький вопрос: – Скажите, пожалуйста, а вы верите в волшебников и (или) в волшебство?

Нет – нет, если не хотите или не можете – можете не отвечать. Вопрос был более чем риторический. Но чтобы не быть голословным, отвечу сам.

Да – Верю.

Может быть не столько в волшебников, сколько в возможность волшебства. Скажу – больше. Я не столько верю в волшебников, сколько сам хотел бы быть им. Но, увы... Хотя если я не могу быть им сам, то может быть я смогу подарить вам маленькое волшебство? Потому что (открою вам мою тайну) я всегда считал что сказочники – если не маленькие волшебники, то почти волшебники. И если, я не могу быть последним, то почему бы не попробовать...

Да!.. Перед вами – сказка.

Повесть-сказка, или сказочный рассказ или просто повесть, или просто сказка... Как бы ее не называли – перед вами волшебная история.

Я очень надеюсь, что моя рассказка доставит вам минуты радости, заставит поверить во что-то светлое, поверить в мечту.

Пожалуй, не буду больше ничего писать, а то открою невольно перипетии сюжета.

Скажу только, что мой герой пишет стихи. Наверное потому, что он немного похож на меня. Пару месяцев назад я написал одно стихотворение. Мне хочется завершить им это маленькое предисловие. Стихотворение написано через год поле рассказа, но мне кажется, что оно очень близко к ней и по сути, и по настроению. Мне кажется, что и мой герой мог бы его написать. Давайте будем считать, что таким вот образом, он приглашает вас в свой волшебный мир.

*Я читаю стихи и делю их на «верю – не верю».
Я считаю секунды, деля на «сезон – не сезон».
На отрезках дорог нас встречают незримые двери
Мы проходим сквозь них.
Так не хочется думать «на зло».*

*Не на зло... Вопреки... Вместе с тем...
Для того... Потому что.
И стихи не причём (я, вообще, не умею читать).
Просто тихо бреду несмеишной, нецелованный «мучо»
И не знаю я точно, кому я ещё не чета.*

*Цель пока что не цель. Не добро и не зло панацея.
И пройденный отрезок уходит с рассветом как сон
И не знает никто у кого он ещё на прицеле.
Лишь порою сигналит сквозь тьму за спиной клаксон.*

*Я ещё не пишу, но уже я не строю иллюзий.
Я сличаю стихи и делю их на «так и не так».
То не сердце стучит, то в душе открываются иллюзы
Дверь опять я ищу и, зажмурившись, делаю шаг.*

С уважением, Михаил Мазель

Глава 1

Они жили в большом и светлом городе. Они были самыми что ни на есть обыкновенными – то есть созданными для любви и счастья. Они ждали и верили, а вокруг протекала жизнь со всеми её воплощениями: бедами и горестями, маленькими радостями и большими сюрпризами, трудностями, буднями и редкими праздниками. Кто-то был несчастен, а кому-то подмигивало солнышко. И все они проходили мимо, иногда хмурясь, а иногда улыбаясь, порой толкаясь или задевая друг друга плечами. Они жили в большом и светлом городе: в какое-то время и в какой-то стране.

А город пульсировал на перекрестках проспектов и бульваров. Последние протекали полуовалами, разрезая его на части, одновременно и соединяя их. Такой вот парадокс, закон философии, если хотите: если смотреть по карте, – разрезали, а если призадуматься, – связывали крепко-крепко, хотя бы тем, что на них происходила жизнь, воплощаемая в случайных и запланированных встречах.

Они жили в большом и светлом городе, и их жизни текли сквозь него, как всё те же бульвары, на которых и происходила всё та же жизнь. А бульвары, в свою очередь, текли через город, словно природные сезоны сквозь самую вечность.

И вот, однажды, в город по обыкновению неожиданно пришла осень и бульвары оделись жёлтым шелестящим под ногами нарядом. Город затаился, как привык это делать уже давно и повторял из года в год, в тот странный момент, когда одним мановением кисти Волшебника, будто в детской магической раскраске, цвета сменились с зелёного на жёлтый.

Город затаился и ждал, и сам не знал, чего он ждёт. Скорее всего он ждал чуда, ведь не имеет смысла ждать чего-то другого. А ждать чуда – что может быть прекрасней. Именно ждать, потому, что когда оно, наконец, свершается, не остаётся ничего другого, как ждать нового, ведь иначе теряется смысл жизни. Хотя можно, конечно, и свершать чудеса. Собственно, наша маленькая история именно об этом.

Глава 2

Ты кто? – спросил я её, стараясь вкладывать в голос как можно больше тепла и ласки. Октябрьское солнце старательно помогало мне в этом, но ему явно уже не хватало запасов, накопленных в уходящем году. Значит, вся ответственность за раздачу тепла возлагалась на меня одного. Хотя, кто мне сказал, что ей было холодно? Это божественное создание само могло обогреть кого угодно. Чтобы понять, а вернее, почувствовать последнее, не нужно было быть ни семи, ни даже восьми пядей во лбу.

Она стояла, утопая по колени в свежеопавших листьях...
...Мой любимый бульвар уже несколько дней напоминал шуршащий ручей, золотящийся чешуёй, чистоту которой только иногда нарушали багряные кленовые вкрапления, видимо, принесенные с соседних улиц озорным вечерним ветерком.

Собственно, если быть до конца откровенным, это был не просто мой любимый бульвар. Иногда мне казалось, что я составляю с ним одно целое, хотя я и не смел добавлять к моему ощущению слово «самый». Я, вообще, очень осторожно отношусь к слову «самый». Ведь всё, что нас окружает, так неустойчиво, что порой, проходя по изученной до последней трещинки и выбоине дороге, мы не знаем, что нас поджидает за знакомым поворотом. Иногда случайный шаг в сторону

позволяет нам взглянуть на что-то до боли привычное под совсем неожиданным углом и выкрикнуть: – «Боже мой, как я мог столько лет не замечать этой красоты!»

Я всегда жил в ожидании такого шага, поэтому и относился с опаской к слову «самый». Поэтому у меня всегда было много любимых книг и песен, фильмов и актёров, переулков и бульваров. У меня не было только любимой... Может быть и потому, что любимая-то как раз должна быть «самой-пре-самой»... И каждый раз, делая шаг за поворот, я ждал её. И каждый раз я проходил по знакомому с детства бульвару в надежде, что случайный шаг, поможет мне бросить именно тот случайный взгляд на скрытое от меня место пространства, где ждёт меня именно она...

Я плыл по бульвару как усталый баркас, возвращавшийся в родной порт. Листья, почему-то неубранные, шептались о чём-то у меня под ногами. Мне казалось, что они читали мои мысли и передавали их по цепочке друг другу, сочувственно вздыхая:

- Вы слышали, он опять не нашёл того, что искал?
- Как не нашёл?

– Ведь он так давно ищет?

– Ведь он так искренне верит, а те, кто верят, в конце-концов находят!

– Да, находят. Мы знаем, знаем, но он пока не нашёл...

– А, может, поможем ему?

– Да, да, да! Давайте поможем ему!..

– У нас не получится, мы же уже облетели, мы уже не видим того, что видели раньше, а когда видели, мы были немые... Мы можем только шелестеть у него под ногами сочувственно и грустно... Мы можем только шелестеть... Только шелестеть...

Неожиданный порыв ветра оборвал беседу, подняв и разбросав говорящих на непонятном мне языке в вечернее небо. Они вспорхнули как перепуганные бабочки и медленно оседали обратно, молчаливые и встревоженные. Один красный листок метнулся прямо к моим глазам. Я инстинктивно отмахнулся и,.. повернув вместе с бульваром, застыл в изумлении.

Леса и щиты, стоящие около старого дома в течение нескольких лет и портящие всю красоту этого прелестного уголка, были сняты и передо мной открылся сверкающий витринами детский магазин. В центральной витрине на перевернутом пенопластовом барабане сидел огромный рыжий лисенок, такой, о котором я мечтал в детстве, именно такой... Мне было сложно поверить, что я всё это вижу своими глазами. Я даже ущипнул себя за мочку право-

го уха и несколько раз провел растопыренными пальцами по взъерошенным волосам.

Кленовый листок соскочил с непослушной прядки и подхваченный новым порывом ветра спланировал прямо к ней под ноги...

– ... Я?! Я – Лисёнок! Привет! А я думала, что ты меня так и не заметишь. Я тебя знаю. Ты – бородатый дяденька. Ты тут каждый день ходишь...

«Бородатый дяденька» стоял улыбаясь. То ли – этому прелестному созданию, то ли собственным мыслям, то ли детским воспоминаниям, лучившимся из витрины нового магазина.

– Ну почему же не замечаю, ещё как замечаю, – сказал я и... обнаружил, что кроме меня на бульваре никого нет. Только ветер гнал очередную стайку листьев, и вечерние сумерки мчались следом, укутывая крыши домов пологом тайны и надежды.

Глава 3

На другой день, я заранее приготовился к встрече с очаровательной незнакомкой. Листьев, которые так и не убрали, стало ещё больше и они шелестели что-то волнующее и нежное, вздыхая от каждого моего шага, как будто чувствовали, происходящее в потаённых уголках моей души.

«Хорошо, что их не убирают,» – подумал я, мысленно благодаря незнакомому мне чиновника из мэрии, забывшего послать сюда трубачей с пылесосами. Да—да: «трубачей с пылесосами». Именно так я называл дворников, сдувающих листву в кучки в том далёком и, вместе с тем, таком близком детстве, находясь, наверное, в возрасте моей новой знакомой, встречи с которой я с таким нетерпением ждал. Сейчас я поверну вдоль бульвара и увижу её розовую в красных мишках курточку с большим толстым капюшоном, отороченным пушистой синтетической мохнаткой.

Я сделал шаг и, действительно, увидел девочку, прыгающую на одной ножке с одного красного листочка на другой. Золотистые длинные волосы выбились из под капюшона, а рыжеватая чёлка и впрямь придавала ей сходство с рыжим проказником.

– Привет, Лисёнок, – крикнул я, приближаясь к ребёнку большими, но размеренными шагами.

– А я знаю, кого ты высматриваешь, – прозвенела незна-

комка, не ответив на мое приветствие, продолжая отыскивать кленовые листочки и скакать по ним: – Ты ищешь Королеву Шуршариков, но её сейчас нет. Она проходит тут на час раньше.

Я опешил и на секунду потерял дар речи. Вообще-то, я собирался спросить малышку, что она делает на бульваре одна каждый день в это позднее для маленькой девочки время. Но она опять внезапно исчезла, словно надела шапку-невидимку, или ускользнула в свой волшебный мир через неведомую для взрослых потайную дверь, скрытую в воздухе бульвара. А ведь достаточно сделать один неосторожный шаг, чтобы и мне отыскать эту дверь, ведь я только с виду взрослый. Ну да, у меня густая рыжая борода, но внутри я все тот же малыш, засматривающийся на большого лисёнка в витрине детского магазина... Детского магазина... Детского магазина...

Я не знал, сколько прошло времени. Когда я, потрянув головой, сбросил налёт странных мыслей, балансирующих между воспоминаниями и мечтами, я обнаружил, что стою как раз рядом с открывшимся вчера «детским миром», прямо рядом с Лисёнком, вышедшим из моей детской мечты. С трудом поборов желание войти в магазин, я вернулся на бульвар и не спеша направился домой. Листья шуршали под ногами. Я не слышал этого. Одна мысль всё настойчивее и настойчивее билась у меня в подсознании, пытаюсь вырваться наружу. Одна маленькая мысль, пока что в форме

вопроса: «О ком говорила девочка?» – ведь я уже очень давно никого не искал, хотя ждал и надеялся, что кто-то найдёт меня. Я шёл и повторял этот вопрос и не слышал, как листья взволнованно и трепетно шелестели под ногами, но даже если бы и слышал, вряд ли бы я понял, что они тревожно повторяли наперебой одну и ту же фразу: – Вы слышали?.. Вы слышали?.. Вы слышали?.. Вы слышали, он узнал о нашей Королеве! Вы слышали? Он узнал о нашей королеве! Он узнал о Королеве Шуршариков... Что-то будет!.. Что-то будет!.. Что-то будет!..

Глава 4

Интересно, а давно я стал её встречать? Неделю? Дней десять? Кажется, она появилась с первыми опавшими листьями. Я отогнал невольную мысль, возвращавшую меня к тем светлым временам, когда я верил в чудеса и сказки. Мысль возвращалась, а я отгонял её, повторяя себе, ту фразу, что привык слышать от других, возмущенно отшучиваясь. Я говорил себе: «Дружище, опомнись, ты же серьёзный дяденька с высшим техническим образованием. Повзрослей, наконец... О чём ты думаешь? Ты ведь знаешь, что чудес не бывает?..» – и сам себе отвечал, что бывает, улыбаясь в густую рыжую бороду тому мальчику, который только что сам себя назвал словом «дяденька».

Глава 5

Лисенок, я вчера не успел тебя спросить, а кто же такие Шуршарики?

– Шуршарики?! Ну, Шуршарики это... маленькие меховички... Шушарики – это же такие пушистые комочки, с глазками большими, смешными носиками и маленькими ножками и их можно гладить; они очень пушистые и такие... приятные, но... ты ведь не это хотел меня спросить! Ты ведь хотел меня спросить об их королеве? Ведь так?

Девочка быстро нагнулась и, приподняв обеими ладошками охапку листьев, швырнула их мне в лицо. Я инстинктивно моргнул, а когда порхающие листья опустились, обнаружил, что опять стою один посреди бульвара, и только осень бесшумно бродит где-то поблизости. Бродит, бродит... Но листья не отзываются почему-то на её шаги – лишь на мои. Может быть, осень и есть Королева Шуршариков? Кому же, как ни ей может принадлежать этот титул? Всё правильно, но я чувствовал, что девочка говорила о ком-то реальном... Что ж, «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» вспомнил я. Если уж верить в чудо, то надо в него верить и ждать. «Утро вечера мудренее»... И я поспешил по бульвару домой, не замечая, что загребаю ногами ковер из листьев, который с каждым днём становился все толще и толще.

Глава 6

А потом она исчезла. Её не было три дня, и я даже начал волноваться, хотя, что собственно могло с ней случиться? Видимо, её мама или бабушка, которые и гуляли с ней на бульваре, стали внимательнее следить за своим озорным чадом. Я улыбался, думая о малышке, и одновременно незаметно для самого себя вздыхал, если не безнадежно, то грустно и протяжно. Стайки листьев пробегали по еще пока золотистому ковру, скрывшему последние остатки асфальта, вторя мне, а я улетаю куда-то к чему-то неведомому и близкому, двигаясь как пьяный, возможно, в тайне надеясь пройти через придуманную мною же потайную дверь в мир моих детских, а может и взрослых сокровенных желаний.

Глава 7

Желание купить Лисёнка возникло так же внезапно, как и сам Лисёнок (вместе со сверкающей витриной, магазином, и загадочной незнакомкой пяти лет). Это было большим безумием, чем попытки отыскать проход в параллельный мир. Если последний и мог однажды сублимироваться из моего воображения, то суммы, которую должен был стоить Лисенок, я *ни в жизни не заработаю*, трудись я даже по двадцать часов в сутки. Нет-нет, я не жаловался. Моих доходов хватало на сытую и беззаботную жизнь холостого мужчины, не ограничивающего себя ни в походах в кино, театры и на выставки; ни покупкой книг и пластинок; ни даже двумя, а то и тремя путешествиями в год. Но мне, при всей моей разгильдяйской натуре, хватало ума понимать, что полутораметровый плюшевый лисёнок, да ещё и выставленный в витрине, возможно, только для рекламных целей, будет стоить мне минимум трёх месячных окладов и поездки на горный курорт на Рождество.

Стряхнув кленовые маршальские погоны с плаща, я резко выдохнул и открыл толстую прозрачную дверь.

Дзинь-нь-нь-нь-к, – раздалось над головой протяжно и вкрадчиво.

– Привет, Колокольчик, – произнёс я, мысленно удивляясь собственному поведению.

Ответное: – Привет, – незамедлительно прозвенело в моих ушах и передо мной возник пожилой клоун в сине-бело-серых полосатых шароварах, сине-бело-серой клетчатой курточке-фраке и синем колпаке, похожем на перевернутый цветок-колокольчик. Колпак – таки был украшен настоящими колокольчиками разного размера.

Клоун широко развёл руки и его морщинистое, но очень приветливое лицо расплылось в улыбке. Колокольчики застрекотали наперебой на разные голоса, словно озвучивая весёлые искорки, вспыхнувшие в больших добрых серых глазах. Клон поправил густую серую очень похожую на настоящую шевелюру, на секунду приподняв колпак!

Магазин оказался совсем не таким большим, как мне это показалось снаружи, но гораздо более сказочным, чем я когда-либо мог себе представить. Большие и маленькие звери и сказочные герои сидели, стояли, лежали на лужайках под пальмами, на барханах. Тут был и бассейн с парусниками, на борту которых были самые настоящие пираты, был и замок с рыцарями и драконами. Тут были и кукольные дворцы, такие которые в своих мечтах не видела даже самая послушная девочка.

Я издал непонятный стрекочущий звук, выпуская воздух сквозь расслабленные губы, и засопел. Потом слегка наклонил голову налево и с силой потянул себя вниз за правую мочку.

Ммм-э-э, – произнес я, в довершение ко всему выше *изданному*.

Клоун улыбался. Глаза его лучились а я понимал лишь то,

что выгляжу полным идиотом.

– Ну что Вы, молодой человек, это всего-навсего детский магазин, и цены у нас значительно дешевле, чем Вы себе вообразили. К тому же, Вы наш первый посетитель, а первый посетитель, если он хороший человек, приносит удачу... А Вы ведь хороший человек? Не так ли?

Клоун снова снял колпак и снова провел рукой по волосам, которые (я уже совершенно в этом уверился) были самые что ни на есть настоящие. Всё это он проделал достаточно быстро и с неисчезающей с лица улыбкой. Колокольчики ещё о чём-то переживали, а клоун уже демонстрировал мне какой-то билетик, размером чуть больше трамвайного. Билетик был голубого цвета и на нём виднелись темно-синие буквы. По всей видимости, чудной старик выудил его из своего волшебного колпака.

– Ну что Вы растерялись? Это Ваш счастливый билетик. Берите и читайте, что там написано.

Я протянул руку, всеми силами стараясь остановить внезапно начавшуюся дрожь. Пальцы не слушались, и всё же я не уронил билетика, и, взяв его из теплой шероховатой руки старика, прочёл:

*Кто пришел сюда с любовью,
кто доверчив и наивен,
кто не ищет и не ловит,
но в сближении повинен,*

*кто не знает, но находит,
кто не любит, но желает
тот получит...*

– Да, да, молодой человек, Вы наш первый посетитель, а у меня есть своё правило – правило, которому я не изменяю вот уже... Хотя это совершенно неважно... Правило моё... – дарить первому моему посетителю, в каждом новом магазине любую игрушку, которую он пожелает. Любую игрушку, которую он найдёт на полках.

Наверное, я выглядел не только смешным, но и малость невежливым, потому что я рванулся к витрине, по дороге спотыкаясь о расставленные волшебные игрушки, чудом не роняя и не опрокидывая их. Я и не заметил, как Лисёнок оказался у меня в объятиях.

– Ох, молодой человек, и чему Вас учили мама и папа? Хотя нет, я вижу, что они—то Вас учили, учили... Но... Нет, я понимаю, когда сбываются мечты, можно потерять голову. Но, я даже не знаю, что Вам сказать. Вы ведь человек с техническим образованием. Вы ведь должны уметь слушать. Я же ясно выразился: любую игрушку на полках. Или мама с папой не объяснили вам, чем полка отличается от витрины?

Клоун говорил со мной очень мягким и добрым голосом, глаза его всё так же светились, и колокольчики время от времени отзывались на едва заметные покачивания головы, но мне стало так стыдно, как не бывало никогда раньше,

даже тогда, когда я безжалостно врал маме и папе, разбив школьное окно или прогуляв уроки... Перед глазами поплыли какие-то странные картины из детства: порванные новые штаны, перепачканная белая нарядная рубашка; стали раздаваться какие-то голоса, то ли милые бабушкины нотации, то ли наигранно-строгое ворчание моей первой учительницы... Мне стало душно. Душно от стыда за моё поведение, душно от нахлынувших воспоминаний, душно от странного желания и жжения в груди, которое пришло вместе с последним. Я осторожно водрузил Лисёнка на место и опрометью бросился из загадочного магазина.

– Погодите, молодой челове-е-е, – раздалось мне вслед, но я не разобрал, что кричал мне милый Клоун. Последние его слова заглушил «Дзиньк» входной двери, которая бесшумно закрылась у меня за спиной. А даже если бы она и хлопнула, я бы этого не услышал. Я нёсся по бульвару. Листья шарахались из под моих ног, а полы незастёгнутого плаща развивались по бокам, придавая мне сходство с большим летящим листочком, потерянным в этом непонятном мире, несущимся в воздухе по воле ветра, а, может быть, и какой-то более могущественной и неведомой силы.

Глава 8

Утром я с трудом раскрыл глаза. Тело ныло и конечности не слушались меня. Губы потрескались, а язык еле ворочался во рту.

Температуру мерить я не стал. Зачем. Вне всяких сомнений – она была. Я позвонил шефу и, взяв больничный день, поплёлся к врачу. Хорошо, что я ещё заставил себя съесть кусок белого хлеба с маслом и сыром и выпить стакан чая. Может, это было и не самым умным поступком: пить горячий чай и идти простуженным на улицу. Но если учесть, что мне пришлось просидеть в очереди больше пяти часов, то я хотя бы не умер от голода и тихо постанывал только от озноба и головной боли. К моменту приёма у меня уже почти всё прошло. Врач посоветовал мне высыпаться и ничего не прописал.

Обычно я предпочитал ходить пешком, даже на значительные расстояния, но чувствуя слабость, я решил подъехать несколько кварталов на трамвае. Я вышел на бульвар и, присев на лавочку, принялся ждать. Трамвая долго не было. Холодный ветер начал проникать под мой не по сезону легкий плащ и под безрукавку, которую я надел по случаю предполагаемой простуды. Красный кленовый листик приземлился ко мне на колено. Я положил на него ладошку и провалился куда-то. Мысли проносились на периферии со-

знания, как облака весенним вечером над крышами домов: четкие и неуловимые.

– Мужчина... Мужчина, Вы будете садиться?

Я очнулся как от сна и увидел кондукторшу в новенькой кожаной фуражке с блестящей эмблемой на кокарде.

– Простите, я... я, кажется, задремал, – зачем-то пробормотал я, с некоторым усилием приподнимаясь со скамейки и медленно ковыляя к подножке.

– Вроде не пьяный,.. – сама себе сказала кондуктор, и посмотрев на меня спросила, уже громче: – Милок, с тобой всё в порядке? Странный ты какой-то...

Вместо ответа я швырнул в нее кленовым листочком и прошел в глубину вагона. Трамвай звякнул и неспеша пополёл вдоль знакомого до мелочей маршрута, а я притулился плечом к окну, приподнял воротник и, протиснув ладонь между високом и холодным стеклом, прикрыл глаза.

Мне казалось, что прошёл час, хотя, наверное, не прошло и минуты. Визгливый высокий голос проник в меня как утренний озноб: – Ну, и так и будешь изображать тут ненормального? А платить кто будет? Пилот самолета? А, ну, давай, плати!? Я не посмотрю, что ты на вид интеллигентный, живо высажу!.. – кондуктор крутила серебристым свистком на пальце явно демонстрируя его мне.

Первой моей мыслью было, что мне всё равно, что я хочу спать, хочу горячего чая и что, пусть меня ссаживают, арестовывают что угодно, мне бы только побыстрее добраться

до любого места, где можно лечь и закрыть глаза. Но потом я представил, как громко и пронзительно она будет свистеть, хотя никогда и не слышал этого свиста вживую, кроме как в кино. Я улыбнулся, сознавая, что даже в детстве, ребенком я не ездил зайцем ни в трамвае, ни где бы то ни было ещё.

– Ещё и улыбается, нахал такой! А, ну, плати, живо, – не унималась «хозяйка» трамвая.

Я встал и на ходу нащупав в кармане билетик, не глядя прокомпостировал его и протянул даме, уставившейся на меня, мягко говоря, очень недоброжелательно.

– А ну давай выходи сам, пока я не вызвала кого нужно, – дама явно не шутила. Я ничего не мог понять, но чувство самосохранения подсказывало мне, что мне лучше сойти с трамвая добровольно.

Я даже почти проснулся и пришёл в себя. По крайней мере, спустился я с подножки гораздо живее, чем поднимался на неё несколько минут назад.

– Ну и народ пошёл! То же мне шарманщик с плешивой обезьянкой... – это были последние слова, которые я услышал, прежде чем дверь вагона захлопнулась и какая—то бумажка вылетела из неё.

Осуждающе звякнув, трамвай скрылся за поворотом, а синяя бумажка ещё планировала в воздухе, подбрасываемая ветром. Не зная зачем, я сделал три быстрых шага и поймал её на открытую ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.